

* * *

Казалось бы, обычный случай для попаданца, ночные воды реки, удары волн о борта белоснежного катера, удочка, звук квока, натянутая сомом крупная леска и — внезапный удар грома и вспышка молнии в чистом звездном небе, сводящие на нет радость добычи, которую уже удалось подтянуть к борту. Природа бушует или кто-то там, на небе свои божественные игры устраивает? С учетом того, что на небе ни облачка, иначе бы звезд не увидел, второе как-то само приходит на ум, несмотря на закостенелый атеизм.

— Не понял, откуда гром? — удивился мой помощник, а также старший по техобеспечению моего же яхт-клуба.

В прошлом боцман на разных судах, выйдя на пенсию, старик устроился в клуб и взял на себя всю техническую оснастку. Я ни разу не пожалел, что взял Пахомыча на работу, вот только он был чисто гражданским специалистом. На флоте срочником служил, но на транспорте, видимо, слышать такие громы ему не приходилось, в отличие от меня.

— Это не гром, — ответил я, разгибаясь, но крепко удерживая леску, намотав ее на бортовой фланец, чтобы не резала руки от рывков сома. — Ты что, никогда артиллерийскую канонаду не слышал?

— Так это учения идут?

— Тут нет полигонов. Странно все. Может, склад загорелся и боезапас рвется? Так зарево было бы видно. До Москвы километров сорок, никто тут стрелять не будет. Случилось, похоже, что-то.

— О, там зарево, похоже, действительно склады горят.

Я рассмотрел в темноте движение, Пахомыч указывал направление, как вдруг послышался свист, и рядом метрах в ста в воду хнул снаряд. А в небе две новые вспышки, похоже, еще два снаряда разорвалось. Причем тот, что разорвался о воду, вызвал неслабый гейзер, чего просто не могло быть. На складах снаряды даже

в нашем бардаке с вкрученными детонаторами не хранят. Тут слышался схожий свист приближающегося снаряда.

— Наш! — заорал я. — В воду!

Видимо, от рывка сом стал биться сильнее, да и оглушило его первым разрывом, потому тот, резко дернувшись, натянул леску, и мою руку прижало к леерам катера. Я слышал, как с шумом обрушился в воду Пахомыч, тот знал, зря я такое кричать не буду, слышал, как щелкнуло лезвие моего складного ножа, который я всегда ношу на поясе в чехольчике, но перерезать леску, что прижала мою руку к штырю, не смог. Просто не успел. А говорили, своего снаряда не услышишь. Только вот что странно, склады залпами не горят, а грохот доносился именно в виде залпов. Могу ошибиться, но как будто дивизион «Гвоздик» дал полноценной залп. Что же произошло?

* * *

Захрипел, боль в груди всколыхнулась, но стала гаснуть, когда я почувствовал теплую ладонку у себя на лбу. Черт, неужели повезло? Выжил? Но с какими потерями? То, что без ранений не обошлось, это ясно, главное, чтобы руки-ноги были целы. Остальное переживем и подремонтируемся.

— Как там Пахомыч, уцелел? — прохрипел я.

Хрипел и сам не узнавал себя. Проведя языком по зубам, удивился еще больше. Частокол был не мой, ну вот не мой и все. Непривычный, хотя все зубы были на месте. Попытка открыть глаза не увенчалась успехом, похоже, на них была повязка. Однако мой вопросительный хрип не пропал даром.

— Мама, Сашка очнулся! — крикнул тот, кто сидел рядом со мной, явно куда-то в сторону. Кричали женским, даже девичьим голосом. Звонкий, с бархатными нотками. Черт, неужели у меня появился музыкальный слух? До этого ничем подобным я не страдал.

Со слухом у меня было все в порядке, скорее даже улучшился, и только по этому одному крику я понял, что находимся мы в небольшой комнате, не эхо, но нечто подобное отразилось от стен потолка и, возможно, пола. Но главное, запах, запах жилого дома, пирогов, керосина, чего-то скисшего, вроде квашеной капусты, и забродившего, явно бражки. Так в больнице пахнуть не могло. Ничего

лекарственного унюхать я не смог, даже от повязки. Аналитиком я был отличным, сразу стал раскладывать по полочкам все, что произошло, мне оно так как-то привычнее, анализ получался более широким и, скажем так, подробным.

Начнем с тела. Оно не мое, сто процентов. Зовут, похоже, Александром, тут попадание, не придется привыкать, это хорошо. Пока я размышлял, вернее начал это делать, на крик отреагировали, да и другие звуки проявились, на которые я ранее как-то не обратил внимания. Вьюжило, похоже, снаружи, слышалось завывание ветра в печной трубе. Кто-то открыл в соседнем помещении дверь, и до меня донеслась морозная свежесть воздуха, но с примесями... Непонятными примесями народного хозяйства. Что-то вроде взорванной соломы, помета кур, ну и остального, что может быть в сельском хозяйстве. Уже интересно, не знаю, в кого я попал, но то, что снаружи зима, это понятно отчетливо. Причем неизвестный, по-стариковски кряхтя, веником стал отряхивать валенки. Про появившийся идеальный слух я уже говорил? Так вот, оббивал он именно валенки, да и как веником по ним проходил, тоже расслышал и без труда распознал. Помимо этих звуков, было несколько взрослых голосов, но также множество детских. Мне показалось, что их было больше десятка, но я чуть позже разобрался, что гам исходит от пяти детей до десяти лет от роду... Хотя нет, шестерых. Подала голос еще одна девочка. Лет двенадцати вроде. Вот от ее голоса как будто что-то колыхнулось в груди, родное и теплое. Непонятно. А все что не понятно, настораживает.

Так и не дали мне проанализировать мое состояние. С одной из сторон почему-то собрались все, кто находился в этом неизвестном здании, как я подозреваю, обычной деревенской избе. Детишки шушукались, где-то чуть далече агукал ребенок, но не младенец, за год точно был, слишком звуки издавал осмысленные, хотя и непонятные.

Тут вдруг послышался девичий шепоток, все, кто собрались рядом с моим ложем, молчали, видимо, переглядывались с сиделкой:

— А Сашка проснулся?

Голосок слышался откуда-то ниже моего ложа. Да и оно само было несколько непривычным. Мало того что в шею кололся явно мех, видимо что-то подстелили под меня, так еще этот мех

подогревался снизу. Я был в легком поту. Хм, если бы я не знал, что живу в двадцать первом веке, подумал бы, что лежу на печке, на меховой шкуре. Однако и тело другое, перенос? Вполне возможно, значит, и печка тоже возможна. Пока остановимся на этом и нужно что-то решать с неизвестными аборигенами. Определиться на местности, что делать. Одно понятно, наилучший выход это потеря памяти. Я не самый большой любитель книг, но про попаданцев читать приходилось, так что тему знал. Тем более что-то давило в левую сторону головы и там чувствовалось заметное онемение со всполохами легкой боли, как при травме. В жизни у меня всякое случалось. Плечо ныло, еще в нескольких местах тянуло.

— Проснулся, — пробормотал я. — Что с моими глазами? Руки-ноги чувствую, а с глазами что?

— Ожил! — радостный многоголосый гул дал мне возможность и без зрения определить, кто стоит рядом.

Точно старушка лет семидесяти, старичок, что все аскал, ась да ась. Потом женщина, лет тридцати пяти по голосу, сыночком меня называла, видимо, это тело ранее принадлежало ее сыну. Потом голосок девушки, моей сиделки, примерно лет двадцати, но тут я могу ошибиться. Дальше снова девчонка, лет двенадцати, следом две девчущки лет восьми, возможно погодки. Еще были мальчишка и две девчущки, возраст не определяю, но точно еще маленькие, а если вспомнить еще ребенка в соседнем помещении, получалось со мной восемь детей. Неплохо. Если родные, то мать-героиня тут живет, без разговоров.

Все это пронеслось молнией в мыслях, анализ занял секунды две максимум, так что буря объяснений, по-другому это было не назвать, меня не смела. Почувствовав касание на лице, я увидел, как повязку приподнимают на лоб. Свет, о счастье, свет керосиновой лампы, значит, мой нос не обманул, была лампа, но главное зрение было, это не могло не радовать. Пока мне поднимали повязку, я успел из этой смеси разговоров вычленить главное. Я был ранен, причем подстрелен бандитами, когда прикрывал нашего раненого участкового, Дмитрия Пантелеевича Пахомова. Видимо, когда я задавал вопрос про Пахомыча, его восприняли по отношению к участковому. С тремя ранениями он лежал в своей хате нашей деревеньки, с ним был привезенный из райцентра врач.

В общем, как я понял, дело было так, Сашка возвращался с охоты, двигаясь на лыжах, двух зайцев взял, сейчас бульончику принесут покормить, второго зайца семье участкового отдали, чтобы раненого главу семьи кормить. Что-то я отвлекся. Так вот, Сашка, бывший хозяин этого тела, сразу направился на выстрелы. Опытный охотник, еще бы, отец лесник, сразу вычленил в выстрелах, что стреляют из наганов и ТТ. Последний был только у участкового. Выстрелы слышались на дороге, что вела к складам леспромхоза. Сашка рванул на помощь и подоспел вовремя. Банда, что налетела на бухгалтерию леспромхоза и взяла кассу, на свою беду, возвращаясь, повстречалась с участковым на узкой лесной зимней дороге. Кто палить первым начал, никто разобрать не смог, но Сашка из своей мелкокалиберной винтовки убил четверых из шести бандитов. У всех аккуратные дырочки в висках. Поляковский почерк. Я уже без особого удивления узнал, что не только по имени схож с бывшим хозяином тела, но и по фамилии. Вот только по отчеству совпадения не было. Отец у Сашки Кондрат, а у меня Михаил. Пятый бандит участковым был застрелен, а вот шестой оказался на удивление упорным, палил не переставая, как будто имел с собой вагон патронов. При перестрелке три пули схлопотал участковый. Но он ранен был еще, когда пешим вышел к саням бандитов, не подозревая, кого несет ему навстречу. Ладно, возницу снять умудрился да лошадь ранить, а тут и Сашка подоспел. Вот со мной чуть хуже. Четыре попадания. Одна в плечо, нужна операция, пулю вынимать, другая по касательной по спине, третья попала в приклад винтовки, разбив его, от удара пули тот приложился по боку, похоже, пара ребер сломано, ну и самое легкое, на мой взгляд, касательное по голове. Там мелочь, череп цел, но зато можно использовать ранение для имитации амнезии. Вырвав клочок волос, пуля улетела, но теперь у меня был железобетонный повод говорить, что никого не помню. Это было правдой, я реально никого вокруг не знал.

Все это вываливалось таким скопом, что было трудно вычленивать что-то членораздельное, но я старался, и даже получалось. Меня ругали, хвалили, девчушки всхлипывали, жалея. Старичок одобрительно побряхтывал, старушка кончиком головного платка утирала слезы. Осматривая всех, не ошибся с количеством, полом и возрастом, кто столпился у печки, негромко спросил у всех

присутствующих. Негромко, вот только мой, вроде как невинный вопрос вызвал гробовое молчание в избе:

— А вы кто?

* * *

Потянувшись, я нагнулся и, подхватив тушку филина, закрепив ее на палке, побежал легкой трусцой в сторону нашей деревни. Да, я все же прижился и акклиматизировался, если это можно так назвать. Было ли тяжело? Было, не скрою, еще было тяжелее поставить себя именно так. Все эти месяцы до конца весны только этим и занимался. Совсем недавно отзвенели весенние ручьи и вокруг зацвело.

Добежав до лосиной кормушки, я посмотрел следы, отец попросил, он сюда не успевал. Были лоси, под утро, а сейчас время к вечеру близилось. Устроившись в стороне на поваленном стволе дерева, я достал из небольшой котомки остатки обеда и стал ужинать, хотя можно сказать, что полдничать. Пока крепкие молодые зубы перемальывали слегка зачерствевший хлеб с салом, перьями чеснока и зеленым луком, сорванным сегодня с огорода, я так же прокручивал в памяти все с момента попадания в это новое свое тело. Прошлый владелец так и не проявился, и я понял, что не проявится никогда. Но перед уходом он мне много что подарил. Об этом чуть позже.

Так вот, попал я в тело Александра Кондратьевича Полякова, причем, похоже, попал в тот момент, когда он получил по касательной ранение на голове. Очнулся я на печке спустя шесть часов после ранения. Семья Поляковых была большой, хотя для местных как раз нормальной, обычной. Глава семьи Кондрат Гаврилович Поляков, лесник. Мать Анна Георгиевна Полякова счетовод в леспромхозе. На момент нападения банды та по счастливому стечению обстоятельств была дома, выхаживала заболевшую дочь. Простыла. Прошло все без осложнений. Старшим ребенком в семье была Татьяна, симпатичная дивчина семнадцати лет от роду, в этом году окончила школу и готовилась поступать по велению отца в сельскохозяйственный техникум в Ленинграде. Всей семьей ее собирали, завтра отъезжаем.

Следующие дети у Поляковых были близнецы, это Сашка, теперь уже я, и Марина. А за последние пять месяцев я уже несколько свыкся с тем, что являюсь именно Сашкой, сыном лес-

ника и лучшим следопытом района. Так вот, у меня была сестра, Марина. Мы были очень похожи, но и различны по характерам. Мой изменился, это видели все, причем кардинально. Сашка все же был добряком. В принципе, я тоже, но добрым остался только по отношению к семье, а на остальных мне было начхать. С семьей я свыкся, можно сказать, полюбил, именно она меня выхаживала, а никто другой. Сложные у нас с сестренкой отношения. Близнецы, говорят, чувствуют друг друга, не знаю точно, слухи все, но, видимо, слухи имели под собой основу. Марина, видимо, имела какую-то связь с братом, а тут ее не стало. Пришлось приложить немало сил, чтобы стать в семье своим, включая отношения с Мариной.

Следом идут две младшие сестренки-погодки, девяти лет Валентина, Валькой ее все кличут, и Лукерья, восьми лет. Лука и все тут. Второй сын Дмитрий, семи лет, мелкий постреленок, которому до всего есть дело. Пацан как пацан, младший брат, так что приглядываю за ним, обучаю всему. А то в бабском окружении растет, ничему хорошему они его не научат. После братишки три сестрички. Ольга пяти лет, Анька четырех лет и Наташа, вот ей два через пару месяцев будет. Это еще не все, судя по большому животу у матери, семейство снова увеличится, и произойдет это месяца через два. Я думал, что детей было восемь, но нет, с Татьяной девять, а с новым ребенком уже десять. В отличие от других крупных семейств, у Поляковых все дети рождались здоровыми и выживали в слабом младенческом возрасте. Не редкость, конечно, но повезло, реально повезло. Смертность в деревнях в малом возрасте высокая, факт, который сложно скрыть.

Помимо них в семействе были бабушка с дедушкой со стороны отца, тоже Поляковы. Дед, Гаврила Иванович, бывший артиллерийский унтер, контуженный и раненный в войну. Последствия контузии были видны и сейчас. Иногда дед замирал, а потом как в припадке тряс головой. Такое бывало в моменты сильных волнений, а так старичок как все, седой да бородатый. Ольга Пафнутьевна, наша бабушка, была мастерицей на все руки, и именно на нее было возложено все домашнее хозяйство и присмотр за маленькими. Если бы не Таня и Марина, трудно ей было бы. А так помогают, когда не в школе. В последнее время к этому стали и Валю с Лукой привлекать, взрослеют девочки.

Осенью, примерно за четыре месяца до ранения Сашки, сгорел дом Поляковых. Тогда полдеревни выгорело, лютый ветер был, искры во все стороны летели. Раньше в деревне с два десятка домов было, а теперь всего семь. Хорошо на окраине дом бабушки с дедушкой был, туда и переселились, пока отец и мать занимались заготовкой материала, благо лесопилка была не так и далеко, в леспромхозе, где работала мама. Все хорошо, лес вокруг, лесопилка есть, но земляные полы в хате деда меня до сих пор убивают. Это меня, а вот им привычно. Дом разделен на две комнатухи с печкой посередине, она и для обогрева, и для готовки. Именно на ней я очнулся. Как мы в этой избе помещались, сложно сказать, но теперь хоть знаю, что такое спать друг на друге.

Так вот, началось все именно с ранения. Похоже, именно тогда я и был подселен в тело вместо почившего Сашки. Когда очнулся и вдруг выяснилось, что я никого не узнаю, как раз в хату в сопровождении отца пришел врач из больницы, что в райцентре находилась. Он меня осмотрел, опросил и с отцом с печки перенес на общий кухонный стол. Ему лампу принесли побольше, снаружи давно стемнело. Потом выгнал почти всех на улицу, после чего дал понюхать какой-то дряни и прямо на столе провел операцию, и довольно качественно извлек пулю, ничего не повредив. Вон, рука в порядке. Он же и упомянул такой диагноз, как амнезия. Это я на следующий день узнал, когда очнулся после операции. Доктор часто к нам приходил, а когда я снова стал ходить в школу, то приходил к нему на осмотры. Да и сейчас хожу, что уж говорить. Ладно хоть реже, в последнее время раз в две недели.

Рассказывать подробно, как я познавал мир, не буду, хочу уточнить главное. То, что время не мое, я уже понял, был январь сорок первого года. Тысяча девятьсот сорок первого года. Находились мы в Ленинградской области, в двенадцати километрах от озера Чудское, того самого, и в шести километрах от реки Нарва. До школы в районном поселке Сланцы ходили через лес каждый день, а что тут на лыжах, туда шесть километров, это напрямки, по дороге все пятнадцать будет, и обратно. Малые под присмотром бабушки, это такой семейный детсад, ну а родители работали. Леспромхоз, его склады и контора находились у перекрестка дорог, в паре километров от нашей деревни, большая часть жителей там же и работали.

Там три дороги сходились, не считая ту, что от нашей деревни шла. Почему бандиты именно на нее свернули, не скажу, видимо через деревню хотели проскочить. Шестой бандит, пока мы, раненые, кровью истекали, уйти умудрился с частью добычи. К счастью, довольно быстро у места боя оказался верхом почтальон, он то и помог участковому, ну и меня по стонам нашел. На повозку бандитов всех погрузил, распряг мертвую лошадь, свою завел и в деревню. Спас нас. Вот только поблагодарить его не получилось. Пока мы лечились, в соседней деревне отмечали что-то, и замерз он, уснул на улице в сугробе. Говорят, хорошим парнем был, два года как из армии вернулся. Жалко, я даже отблагодарить его не успел.

Так вот, вернемся уже к моей истории, все же дальше все тесно переплетено с моим перемещением. Я уже смирился с этим, в первое время злился, столько эмоций зря потратил, но все равно легкая тень досады иногда поднимается в душе. Хотел ли я этого перемещения? Сейчас не знаю, даже привык, интересно все стало, а в первое время очень тоскливо было и тяжело. На что я променял свою жизнь? У меня вообще все было в порядке. Я не говорю хорошо, хотя это определение тоже подходит, просто не люблю так говорить. Порядок — как на флоте, это по мне определение. Да, я сам поднял себя, поднялся, силой, волей и упорством сделал себя. Да и что рассказывать? Жизнь как у всех, родители, семья, школа, армия, Кавказ со Второй Чеченской, которую зацепил краем. Все было. Потом работа, тяжелая, отказывая себе во многом, преодолел этот рубеж, в олигархи не выскочил, да и не нужно мне этого, но в порядке. Свой яхт-клуб, названный моей же дворовой кличкой «Адмирал». Были причины. Любимая жена рядом, чего еще надо? Живи и радуйся. Я именно это и делал, заслужил, своим потом и кровью. О подобном перемещении даже не думал, ну не мое. Однако случившегося не изменить, я это отчетливо понял недели через две, когда отходил после операции. Еще теплилась надежда на возможность обратного перемещения, но ее становилось все меньше и меньше. Как-то внезапно озарило, что всё, назад пути не будет. А так, если и рефлексывал я, то семье старался этого не показывать, мне проще забиться в угол, чтобы пережить всплески эмоций, но не делать этого на людях. Не терплю и не люблю.